
ЕВГЕНИЙ ЧЁРНЫЙ
КРЫЛЬЯ ОБЛАЧНОГО ШПИЛЯ
РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
18+
18+

Евгений Чёрный

Крыльям Облачного Шпиля

«Автор»
2026

Чёрный Е.

Крыльям Облачного Шпиля / Е. Чёрный — «Автор», 2026

Парящий архипелаг Аэлория держится в воздухе благодаря древним эфирным гейзерам и силе драконьих крыльев. Но в небесной цитадели Облачного Шпиля наездников учат подчинять стихию железными ошейниками и рунами боли.Эвелин Росс: младшая смотрительница нижних яслей, спасает от выбраковки редчайшего черного грозового дракона, связав с ним свою душу древней эмпатической нитью. Старший капитан кадетского корпуса Кайден Вейл: сын всесильного Верховного Маршала, спускается в питомник с приказом об усыплении чудовища, но неожиданно видит перед собой девушку, готовую закрыть зверя собственным телом.От ледяного противостояния и профессиональных споров о методах выездки через смертельно опасный побег сквозь грозовой барьер и триумф на Королевской Арене: к великой любви, способной сокрушить заговор Совета и навсегда снять оковы с драконов Аэлории.

© Чёрный Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колыбель грозовых яиц 5
Глава 2. Черный кокон в тумане 12
Глава 3. Капитан с золотыми эполетами 18
Глава 4. Первый удар когтя 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Евгений Чёрный
Крыльям Облачного Шпиля

Глава 1. Колыбель грозовых яиц

Голос бездны всегда звучал на грани слышимости, подобно низкому гулу натянутой басовой струны гигантской лютни. В нижнем поясе парящего архипелага Аэлория, там, где каменные основания островов омывались клубящимися парами нижнего эфирного слоя, рассвет наступал медленно и нехотя. Густой молочно-лиловый туман просачивался сквозь бронзовые решетки подвесных террас, оседая крошечными холодными каплями на кожаном фартуке Эвелин Росс. Воздух пах сырым гранитом, сушеными стеблями горного вереска и терпким эфирным конденсатом, питавшим инкубационные чаши. Седьмая подвесная платформа висела на высоте трех тысяч ярдов над непроглядным туманным морем, удерживаемая исполинскими якорными цепями из звездного железа. Каждое звено этой цепи было выковано в эпоху Первого Раскола, и при сильных порывах восходящего ветра металл издавал протяжный, глухой стон, напоминающий песню спящего кита.

Для жителей верхних сверкающих террас Облачного Шпиля эта платформа была лишь утилитарным придатком, грязным складом живого товара. Аристократы и высшие офицеры флота редко спускались в нижний пояс, брезгуя вечной влажностью и запахом звериных загонов. Но для Эвелин этот каменный остров был единственным домом, где тишина не казалась мертвой, а каждый камень дышал скрытой жизнью. Эвелин провела ладонью по гладкому выпуклому стеклу первой инкубационной сферы. Под ее тонкими пальцами мягко пульсировал накопительный кристалл лунного кварца, отдавая накопленное за день тепло кладке ветровых драконов. Внутри сферической камеры, устланной мягким пухом облачных ласточек, покоились три бледно-бирюзовых яйца, покрытых едва заметным узором из тончайших спиралей. Драконята внутри спали спокойно, их крошечные сердца отзывались ровным, размеренным тиканьем в резонансном контуре контрольного прибора.

«Спите, маленькие вихри», прошептала девушка, слегка поворачивая латунный регулятор потока.

«До вашего первого полета еще много рассветов. Набирайтесь сил, пока внешнее небо не потребовало от вас безупречной покорности».

Она взяла стеклянную масленку с питательным экстрактом лаванды и белого мха, осторожно смазывая стыки вентиляционных отверстий. В Аэлории драконов ценили превыше всего, но это была жестокая, расчетливая любовь завоевателей. Воздушный флот Империи держался исключительно на силе драконьих крыльев, на их способности нести тяжелые бомбардировочные платформы и развивать головокружительную скорость в верхних воздушных эшелонах. С момента рождения каждого детеныша клеймили служебным номером, надевали сдерживающий ошейник и учили подчиняться боли. Эвелин ненавидела эту систему каждой частицей своей души. Ее мать, одна из последних истинных хранительниц ветровых гнезд вольного архипелага, учила ее совсем иному.

«Дракон не слуга и не оружие, Эви», звучал в ее памяти тихий материнский голос.

«Дракон это продолжение твоей собственной души, обретающее форму в стихии. Если ты заставишь его лететь через страх, он сбросит тебя в первой же буре. Но если ты откроешь ему свое сердце, он разделит с тобой само бессмертие неба».

Матери не стало пять лет назад во время великого штормового мора, и с тех пор Эвелин осталась одна среди холодных циркуляров Академии и бесконечных проверок инспекторов. Она поставила масленку на инструментальный столик и повернулась к дальнему концу

зала. Там, в полумраке сводчатой ниши, находился особый изоляционный сектор, высеченный прямо в монолитной базальтовой скале. В отличие от светлых и уютных инкубаторов молодняка, этот покой напоминал тюремную камеру. По периметру круглого помоста были выбиты глубокие желоба, заполненные мерцающим алым песком, рунным составом подавления магических флуктуаций. В центре помоста, на толстой подушке из черного сланца, покоилась причина ее бессонных ночей. Яйцо из Великого Разлома. Оно появилось здесь три дня назад.

Дозорный корвет пограничной стражи доставил его в бронированном свинцовом коробе после разрушительной бури на дальних границах архипелага. Пограничники нашли кладку в расщелине расколотого грозового утеса, где бушевали сырые молнии первозданной бездны. Вся стая взрослых особей погибла под обвалом, оставив лишь одно единственное семя. Оно было исполинским, вдвое крупнее любого яйца императорских пород. Его скорлупа не имела цвета; она была цвета абсолютной тьмы, поглощавшей всякий свет, но при ближайшем рассмотрении на ее гранях проступали глубокие индиговые прожилки, пульсировавшие в такт невидимому приливу. От яйца исходил постоянный, сухой треск, словно внутри него была заключена миниатюрная грозовая туча, жаждущая вырваться на волю. Эвелин медленно подошла к барьеру. Воздух вокруг помоста вибрировал от колоссального напряжения.

Волоски на ее руках мгновенно поднялись дыбом, металлические пряжки на фартуке отозвались холодным покалыванием статического электричества. Она знала регламент. Параграф девятнадцатый инструкции по безопасности категорически запрещал приближаться к объектам высшей категории нестабильности без изолирующего костюма из дубленой шкуры левиафана. Но Эвелин знала и другое: сквозь толстую кожу защитных рукавиц невозможно услышать биение живого сознания. Она сделала глубокий вдох, успокаивая бешено стучащее сердце, и шагнула за рунную черту. Алый песок в желобах сердито зашипел, вспыхивая искрами, словно протестуя против вторжения постороннего живого тела. Эвелин опустилась на колени перед черным монолитом скорлупы и медленно протянула обнаженные ладони. В ту секунду, когда ее пальцы коснулись шершавой, невероятно горячей поверхности, пространство вокруг нее перестало существовать.

Ее сознание словно сорвалось с отвесного обрыва в ревущую пучину грозового шторма. Перед ее внутренним взором пронеслись картины первозданного хаоса: бесконечные фиолетовые молнии, рассекающие клубящиеся тучи, рев ветра, скорость, от которой закипает кровь, и всепоглощающее, жгучее чувство одиночества. Существо внутри скорлупы не спало. Оно билось о внутренние стенки своей темницы, задыхаясь от тяжелого, давящего яда подавляющих рун.

«Тише, маленький охотник», мысленно позвала она, направляя сквозь ладони мягкую волну собственного ментального тепла.

«Я здесь. Я слышу твою песню. Не трать огонь на пустоту, сохрани его для первого взмаха крыльев».

Эвелин почувствовала, как сознание существа замерло. Яростная буря внутри яйца сжалась в тугой, напряженный комок. Маленький дракон словно принюхался к ее мыслям, удивленный тем, что сквозь глухую боль рунного пресса к нему пробился голос, не несущий приказа или угрозы. Скорлупа под ее пальцами начала нагреваться еще сильнее, излучая глубокое, пульсирующее тепло, похожее на жар раскаленной латунной печи. Эвелин не отнимала рук, чувствуя, как между ее сердцем и нерожденным драконом натягивается первая, тончайшая нить эмпатического резонанса. Это было запретное искусство. Кодекс Академии строго карал за создание незарегистрированных ментальных связей с неопознанными особями, приравнивая подобные действия к государственной измене. Однако в этот утренний час, на границе затухающей ночи и рождающегося дня, законы Верхнего Шпиля казались далекими и призрачными.

Здесь существовали только она, древний базальт платформы и пульс существа, не знавшего страха перед бездной. Дракон внутри яйца переменил положение. Эвелин услышала глухой скрежет сформировавшихся когтей о внутренний известковый слой. Он был готов пробить свою колыбель. Его сила требовала выхода, его крылья жаждали рассекать воздух, но тяжелые волны подавляющего порошка в желобах сковывали его мускулы, вызывая спазмы удушья.

«Еще немного терпения», шептала она вслух, ощущая соленый привкус озона на губах.

«Я найду способ вызволить тебя из этого капкана. Ты увидишь настоящее солнце над верхними облаками, клянусь тебе памятью моей матери».

Внезапно с наружной стороны питомника послышался низкий рев сигнального гонга. Тяжелый бронзовый колокол, возвещавший о прибытии высокопоставленных гостей, ударил трижды, раскатившись гулким эхом по всему ущелью между парящими островами. Теплая волна признания только начала окутывать их невидимый контакт, когда грубый звук удара трости о камень безжалостно разорвал ментальную связь. Эвелин вскрикнула от внезапной головной боли и отдернула руки, пошатнувшись. Черная скорлупа отозвалась сердитым, низким треском, выпустив сноп синих искр, опаливших подол ее платья.

«Смотрительница Росс! Вы потеряли остатки разума?!», проскрежетал голос за ее спиной.

У входа в зал стоял мастер Варнава. Его сухопарая фигура в длинном шерстяном плаще казалась воплощением старческой желчи. Набалдашник его трости, выточенный из мертвого костяного коралла, нервно подрагивал в костлявых пальцах.

«Я просила вас не входить без предупреждения, мастер Варнава», холодно произнесла Эвелин, поднимаясь с колен и с усилием расправляя затекшую спину.

«Вы нарушили фазу гармонизации. Эмбрион испытывает болевой шок от внешнего шума».

«Внешнего шума?!», старик закашлялся от возмущения.

«Эта тварь из Разлома вообще не должна была дожить до сегодняшнего утра! Вся коллегия наставников Шпиля считает безумием саму попытку ее сохранения! Вы тратите драгоценный эфирный концентрат на монстра, чья порода стерта из реестров еще сто лет назад!» «Его порода была стерта, потому что ваши наездники не смогли надеть на них цепи», парировала девушка, глядя инспектору прямо в глаза.

«Грозовые драконы это стражи внешних рубежей, они держали стабильность купола Аэлории задолго до того, как Академия придумала свои железные ошейники!» «Придержите язык, девчонка!», лицо Варнавы побагровело.

«Ваша дерзость переходит всякие границы. Впрочем, вам осталось командовать здесь считанные минуты. На платформу прибывает инспекционный челнок высшего ранга. Сам капитан Кайден Вейл спускается с вершины Облачного Шпиля. И у него на руках официальный ордер на ликвидацию объекта. Если вы посмеете встать на его пути, вас выбросят из Академии прямиком в нижний туман!» Сердце Эвелин упало. Кайден Вейл. Самый безжалостный и безупречный наездник Империи. Если он летит сюда, значит, решение о казни уже принято, и спасти черного дракона может только чудо. Эвелин медленно сняла рабочий фартук, аккуратно повесив его на кованый крюк возле стойки с журналами учета. Ее пальцы слегка подрагивали, но взгляд оставался совершенно спокойным. Она знала, кто такой капитан Вейл. О нем говорили в каждой таверне нижних портов, его портреты украшали парадные залы летных казарм.

В свои двадцать один год он уже командовал элитным Первым Авиакрылом, лично возглавлял подавление воздушных мятежей на Дальней Гряде и считался эталоном военной безупречности. Люди шептались, что в жилах Кайдена Вейла течет жидкий эфирный лед вместо горячей крови. Он ни разу не проиграл воздушный бой, ни разу не нарушил приказ командования и ни разу не проявил снисхождения к слабости. Его отец, Верховный Маршал Реймонд Вейл, ковал из сына идеальное оружие государства, не знающее страха, сомнений и жалости.

«Вы не посмеете сжечь его живьем», тихо произнесла Эвелин, глядя в спину уходящему Варнаве.

«Даже у законов Облачного Шпиля есть предел, за которым начинается слепая жестокость».

Она подошла к деревянному умывальнику, ополоснула лицо ледяной колодезной водой и посмотрела на свое отражение в мутном зеркале. Бледная кожа, растрепанные каштановые локоны, темные тени под большими серыми глазами от хронического недосыпания. Но в глубине этих глаз горело нечто такое, что не поддавалось дрессировке. Она не отступит. Чего бы это ей ни стоило.Сумрак за окнами лаборатории начал медленно таять, уступая место робким отблескам рассвета. Эвелин подошла к массивному дубовому стеллажу, где в ровных рядах стояли десятки пузатых стеклянных банок с высушенными горными травами, минеральными солями и измельченными кристаллами янтаря.

Каждый сбор имел свое строгое предназначение: серебряный мох с северных утесов помогал стабилизировать дыхание новорожденных драконят, настойка из цветов огненного мака снимала судороги при прорезывании первичных чешуек, а смола тысячелетнего кедра служила основой для заживляющих бальзамов. Она достала из верхнего ящика старую тетрадь в потертом кожаном переплете. Страницы пожелтели от времени, их края закруглились от бесчисленных прикосновений. Это был личный дневник ее матери, единственное сокровище, которое Эвелин удалось спасти после того, как родовое поместье на Четвертом Острове было конфисковано кредиторами за долги отца. Мать писала тонкими, летящими буквами, сопровождая каждую запись подробными карандашными анатомическими набросками:

«Помни, Эви: дракон не слышит слов гордости. Тот, кто пытается кричать на ветер, лишь теряет голос в буре. Чтобы говорить со стихией, нужно стать тишиной. Когда ты подходишь к гнезду, оставь за порогом свои страхи, свои обиды и свое стремление повелевать. Дракон видит твою душу обнаженной, и если в ней нет фальши, он распахнет перед тобой свои крылья».

Эвелин бережно провела кончиками пальцев по выцветшим чернилам. Сколько раз эти строки спасали ее от отчаяния в холодные ночи, когда за стенами питомника бушевали ледяные шквалы, а старшие наставники присылали очередные распоряжения об ужесточении нормативов кормления! Она снова бросила взгляд на дальний постамент. Черное яйцо хранило молчание, но это было не мертвое безмолвие камня, а напряженное ожидание затаившегося охотника. Эвелин чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Время неумолимо утекало сквозь пальцы, и с каждой минутой приближался момент, когда ей придется сделать окончательный выбор между покорностью правилам и спасением живого чуда.Эвелин вернулась к деревянному верстаку в центре зала, где стояли медные ступки и хрустальные реторты. Приготовление стабилизирующей пасты для скорлупы требовало ювелирной точности.

Она отмерила ровно три грана толченого солнечного янтаря, добавила две капли вытяжки из корней серебряного колокольчика и начала растирать смесь тяжелым пестиком из темного агата. Каждое круговое движение сопровождалось тонким, шелестящим звуком, действовавшим на нее умиротворяюще. Этот рецепт передавался в их семье из поколения в поколение, задолго до того, как Академия монополизировала право на разведение боевых ящеров. В те далекие времена драконы жили свободно на нижних плато, гнездясь среди зарослей дикого розмарина и гигантских папоротников. Люди и крылатые великаны заключали добровольные союзы, скрепленные клятвами дружбы у древних алтарей ветра.

«Тогда никто не вешал им на шеи железные ошейники с рунами боли», прошептала Эвелин в пустоту затихшего зала.

«Тогда всадник и дракон были двумя половинами одного крыла».

Она перелила готовую золотистую эмульсию в плоскую фарфоровую чашу и подошла к открытому окну. Снизу, из-под каменного карниза платформы, поднимались клубы влажного пара. Где-то там, в глубине туманного океана, дремали легендарные первозданные левиафаны,

древнейшие обитатели мира, чье дыхание питало эфирные течения архипелага. Эвелин сделала глубокий вдох, наполняя легкие холодным, чистым воздухом высоты, и почувствовала, как внутри нее расправляет крылья та самая непреклонная сила, которую не способны сломить никакие приказы Шпиля.Тишина нижнего инкубатория хранила в себе тысячи невысказанных тайн. Эвелин медленно шла вдоль длинного ряда инкубационных чаш, проверяя уровень эфирного масла в медных питателях. Каждый шаг отдавался тихим эхом под сводчатыми потолками из грубого базальта.

Она вспомнила, как в детстве мать приводила ее сюда ранней весной, когда над нижними островами начинался сезон великих ветров. Тогда эти залы казались сказочным дворцом, где в теплом полумраке рождались будущие владыки неба. Мать учила ее различать драконят по голосам еще до того, как они пробьют скорлупу: ветровые ящеры издавали тонкий свистящий писк, похожий на песню жаворонка, полуденные глухо ворчали, как сытые котята, а сумеречные отзывались едва слышной вибрацией, отдававшейся в кончиках пальцев приятным покалыванием.

«Слушай сердцем, Эви», говорила мать, бережно накладывая теплую льняную салфетку на треснувшее яйцо.

«Разум человека слишком полон суеты и страха. Дракон не говорит на нашем языке, но его кровь помнит песню первых звезд. Если ты настроишь свое дыхание на его ритм, между вами не останется преград».

Эвелин поправила медный вентиль на третьем инкубаторе. Теплый пар с легким шипением окутал стеклянную сферу, согревая бирюзовые яйца. Она любила свою работу. Несмотря на холодные приказы начальства и постоянную нехватку провизии, здесь она чувствовала себя на своем месте. Здесь жизнь не подчинялась кадетским уставам; она распускалась медленно и бережно, как горный цветок на краю бездны. Она снова бросила взгляд на дальний базальтовый помост, где покоилось черное яйцо из Разлома. От скорлупы исходило постоянное, пульсирующее тепло, манившее ее с непреодолимой силой. Это было не просто чудовище из древних легенд, это была живая душа, жаждущая света и понимания. И Эвелин знала, что сделает все возможное, чтобы защитить эту хрупкую искру от безжалостных жерновов Академии.

После того как шаги мастера Варнавы затихли в каменной галерее, Эвелин еще долго стояла у кромки базальтового помоста. Воздух в зале, казалось, сгустился до плотности жидкого хрусталя. Каждый удар ее сердца отзывался глухим эхом в висках, но страха не было. Было лишь странное, пьянящее чувство ясности, которое всегда приходило к ней в моменты наивысшей опасности.

Она подошла к старому дубовому секретеру, стоявшему в глубокой нише стены, и выдвинула потайной ящичек. Там, завернутый в мягкий бархат, лежал древний кристалл лазурного кварца, личный резонатор ее матери. Этот камень не был продуктом заводских мастерских Академии; его нашли в гнезде вольного горного ящера на дальних пиках Северного Предела. Камень хранил в себе тепло истинной стихии, незапятнанной железными рунами подавления.

Эвелин сжала кристалл в ладони. Минерал мгновенно отозвался на тепло ее кожи мягким, пульсирующим свечением цвета вечернего неба.

«Помоги мне, мама», прошептала она, закрывая глаза.

«Они хотят сжечь его еще до того, как он увидит облака. Они называют его чудовищем, но ты всегда говорила, что истинные чудовища носят золотые мундиры и прячут глаза за уставами».

Она вернулась к черному яйцу. Под мерцанием рун подавления темная скорлупа казалась мертвой, но Эвелин знала правду. Она присела на корточки, приложив кристалл кварца прямо к основанию яйца.

В ту же секунду по залу прокатилась глубокая, низкая вибрация, похожая на рокот приближающегося океанского прилива. Черная поверхность яйца осветилась изнутри тонкими,

причудливыми спиралями лазурного света. Зародыш внутри словно вздохнул с облегчением, почувствовав прикосновение родной стихии. На мгновение ментальный барьер рун истончился, и в сознание девушки хлынули образы невероятной красоты: головокружительный полет сквозь грозовой фронт, запах свежескошенной горной травы, ослепительное солнце над морем облаков и зов свободы, древний, как сама земля Аэлории.

«Я не отдам тебя им», повторила она вслух, и ее голос прозвучал как нерушимая клятва. «Чего бы мне это ни стоило».

Эвелин вернулась к рабочему столу в дальнем углу инкубатора, где лежали толстые книги по анатомии драконов эпохи Первого Цветения. В те времена, задолго до того, как военные инженеры Академии изобрели железные уздечки с подавляющими рунами, наездники общались со своими питомцами с помощью древнего искусства гармонических тонов.

Она раскрыла пожелтевший том на странице с описанием грозовых пород. Рисунок, выполненный тушью с поразительной анатомической точностью, изображал взрослого грозового ящера в зените полета. Его размах крыльев превосходил тридцать ярдов, а чешуя на груди образовывала естественный резонансный щит, способный рассеивать любые энергетические удары. В примечаниях на полях, сделанных рукой первого мастера гнезд, значилось: «Грозовой дракон не ведает страха, ибо сам рожден из гнева небес. Но тот, кто прикоснется к его сердцу без оружия и злого умысла, обретет защитника, вернее которого нет под этим солнцем».

Эвелин перевела взгляд на темный помост в центре зала. Черное яйцо хранило тишину, но эта тишина была наполнена затаенным ожиданием. Девушка подошла к открытому окну, откуда открывался вид на бескрайнее море нижнего тумана. Ветер приносил прохладу и запах близкого дождя. Она знала, что этот день изменит все. Впереди была схватка не просто за жизнь одного драконенка, впереди была битва за саму душу Аэлории, забывшей свои истоки ради железного блеска орудий.

После того как тишина вновь опустилась на своды нижнего инкубатория, Эвелин подошла к массивному дубовому буфету, где хранились запасы питательных эликсиров. Она достала стеклянную мензурку с густым золотистым настоем цветков солнечного зверобоя и медовой патоки. Этот сбор использовался для укрепления иммунитета новорожденных ящеров в первые часы после проклевывания.

Она осторожно подогрела мензурку на крошечной спиртовой горелке, наблюдая за тем, как внутри жидкости поднимаются крошечные янтарные пузырьки. Воздух наполнился сладковатым, согревающим ароматом летнего луга. Эвелин улыбнулась своим мыслям: сколько бы генералы ни твердили о войне и дисциплине, жизнь всегда требовала одного и того же тепла, заботы и материнской ласки.

Она вернулась к базальтовому помосту и поставила чашу рядом с черным яйцом.

«Скоро ты выйдешь в этот мир, маленький шторм», тихо прошептала она, глядя на едва заметные пульсации индиговых прожилок.

«Там, наверху, тебя ждут холодные мраморные залы и люди с железными сердцами. Но здесь, внизу, у тебя есть дом. И пока я жива, никто не посмеет запереть тебя в железную клетку».

Яйцо отозвалось тихим, мерным гулом, похожим на урчание сытого котенка. Эвелин сделала глубокий вдох, ощущая, как спокойствие и решимость заполняют ее душу до самых краев. Она была готова ко всему.

За окнами инкубатория начинался отлив туманного моря. Густые белые клубы пара медленно оседали вниз, открывая взору темные очертания парящих скал нижнего архипелага. Эвелин любила эти редкие утренние минуты, когда солнечные лучи пробивали толщу влаги, раскрашивая гранитные террасы в нежные розовые и золотистые тона.

Она достала из кармана фартука маленькую деревянную гребенку и принялась расчесывать пушистые кисточки на ушках маленьких ветровых ящеров в первой сфере. Детеныши

довольно жмурились, издавая тихое урчание. Они не знали, что за пределами их стеклянного дома бушуют политические интриги и готовятся военные смотры. Для них весь мир заключался в тепле инкубатора и ласковых руках смотрительницы.

«Каждый из вас достоин летать свободно», тихо произнесла Эвелин, глядя на пробивающиеся лучи солнца.

«Я сделаю все, чтобы вы никогда не узнали боли рунических оков. Мы сохраним этот свет, чего бы нам это ни стоило».

Она перевела взгляд на темный помост в центре зала, где черное яйцо из Разлома хранило свое гордое, таинственное молчание. День начинался.

Небо Аэлории всегда хранило память о тех, кто осмеливался подняться в его бескрайнюю высь без страха и сомнений. В шорохе ветра между парящими скалами, в мерцании далеких лун и в гуле эфирных приливов слышалась древняя симфония жизни. Каждый рассвет приносил новое дыхание, каждый полет раскрывал сокровенные глубины любящих сердец.

Эвелин смотрела в горизонт, чувствуя, как тепло Кайдена наполняет ее душу незыблемым покоем. Рядом с ними парил Арканис, верный грозовой страж, чьи черные крылья рассекали облачные волны с грацией древнего божества. Никакие цепи, никакие военные кодексы и приказы не могли сравниться с той великой истиной, которую они открыли среди этих парящих островов: истинная сила заключается в доверии, а истинная свобода в умении любить всем сердцем, без остатка и страха перед грядущим днем.

Эвелин вернулась к тихому наблюдению за дыханием инкубационных колыбелей. В тишине утренней зари каждый шорох казался священным. Она знала, что за пределами этой платформы мир полон жестокости и борьбы за власть, но здесь, среди хрупких жизней, только начинающих свой путь, царил первозданный покой. Она положила руку на теплое стекло, пожелав каждому еще не рожденному драконенку счастливого первого полета под свободным небом.

Небо Аэлории вечно помнит тех, кто осмелился любить без оглядки на запреты. В каждом порыве восходящего ветра, в шепоте облачных трав и в чистом блеске лунного кварца продолжала жить эта великая история.

Воздух нижнего инкубатория был пропитан запахом надежды и тихого ожидания. Эвелин знала каждое движение ветра за тонкими стеклами купола, слышала каждый шорох в гнездах и верила, что жизнь всегда пробьет себе дорогу сквозь самый твердый гранит. Ее пальцы бережно скользнули по скорлупе черного яйца в последний раз перед наступлением решающего часа, передавая нерожденному дракону всю теплоту своего любящего сердца.

Эвелин снова подошла к широкому стеклянному эркеру, откуда открывался вид на утреннее облачное море. В лучах восходящего солнца клубы тумана отливали чистым жемчужным перламутром. Она чувствовала, как в ее сердце просыпается нерушимая уверенность: этот день станет началом великих перемен для всей Аэлории.

Каждая минута рассвета приближала неизбежный выбор. Эвелин провела рукой по прохладному камню инкубатора, ощущая, как внутри нее рождается непреклонная решимость защищать этот маленький росток жизни до последнего вздоха. Она знала, что небо не прощает малодушия, и была готова принять любую бурю.

И в этой тишине рождалось будущее, чистое и свободное, как само небо Аэлории над парящими островами.

Бескрайнее небо Аэлории дышало свободой, напоминая каждому всаднику о том, что истинная сила рождается только в чистом доверии и любви.

Глава 2. Черный кокон в тумане

Глухой рев воздушных турбин возвестил о приближении правительственного корабля задолго до того, как его стремительный силуэт прорезал плотную пелену облаков. Личный корвет Академии, покрытый лазурной эмалью и сияющий полированными бронзовыми накладками, завис над посадочным диском седьмой платформы с безупречной точностью придворного механизма. Мощные воздушные потоки от поворотных винтов разметали клочья тумана, обнажив скользкие базальтовые плиты взлетной палубы. Эвелин стояла у кромки смотровой площадки, придерживая рукой ворот полотняной рубашки. Холодный ветер яростно трепал полы ее шерстяного жакета, выбивая непослушные пряди из косы. Она принципиально отказалась переодеваться в парадную форму смотрителей, оставшись в своей привычной одежде, пропахшей лавандой, можжевельником и звериным теплом. Трап корвета опустился с легким шипением стравливаемого пара.

Первыми на влажный камень сошли четверо гвардейцев в глухих стальных кирасах. В их руках тускло поблескивали длинные шесты с электроразрядниками на концах, тяжелое штатное оружие усмирителей, предназначенное для нейтрализации взбесившихся ящеров. За ними следовали двое военных лекарей с массивными деревянными саквояжами, в которых звякали склянки со смертоносными реактивами. А затем появился он. Кайден Вейл сошел по трапу легко и пружинисто, словно сила гравитации архипелага не имела над ним никакой власти. Он был высок, строен и обладал той врожденной военной выправкой, которую невозможно сымитировать или купить за золото. Темно-синий мундир высшего офицерского состава сидел на нем как вторая кожа, подчеркивая ширину плеч и узкую талию, стянутую широким кожаным ремнем с серебряной пряжкой.

Золотой кант на высоком воротнике контрастировал с идеальной бледностью кожи, а пепельно-русые волосы были коротко острижены по строгому армейскому стандарту. Но сильнее всего поражало его лицо. Черты лица казались высеченными великим скульптором из холодного горного кварца: прямой, хищный нос, четко очерченная линия челюсти, строгие губы, не привыкшие к улыбкам. И глаза. Глаза цвета грозового кремния, темные, глубокие и пугающе проницательные. В них не было показного гнева или жестокости, в них сквозила лишь абсолютная, пугающая ясность разума, для которого весь окружающий мир делился на выполняемые приказы и досадные препятствия.

«Капитан Вейл, великая честь для нашей скромной обители!», подобострастно залебезил мастер Варнава, низко склоняясь перед офицером.

«Мы получили депешу из канцелярии Маршала. Все протоколы подготовлены, охрана выставлена, шприцы заправлены концентрированным раствором сонного корня...» Кайден даже не взглянул на старого инспектора. Его взгляд поверх седой головы Варнавы устремился прямо на Эвелин. Офицер сделал несколько неторопливых шагов по влажным плитам, остановившись в трех футах от девушки. Воздух между ними словно наэлектризовался, став густым и тяжелым, как перед ударом молнии.

«Смотрительница Росс?», произнес он.

Его голос оказался неожиданно глубоким, бархатистым, с легкой вибрирующей нотой, заставившей что-то внутри нее тревожно отозваться.

«Эвелин Росс», ответила она, заставляя свой голос звучать ровно и уверенно.

«И я советую вам приказать вашим солдатам оставить шоковые пики на посадочной площадке. Грозовые зародыши обладают чрезвычайно развитой полевой чувствительностью. Избыток заряженного металла в замкнутом пространстве спровоцирует цепную реакцию эфира».

Один из гвардейцев позади Кайдена недовольно скривился:

«Капитан, не слушайте девчонку. По уставу усмирения...» «Молчать», не оборачиваясь, тихо произнес Кайден.

В одном этом тихом слове прозвучала такая непререкаемая власть, что солдат мгновенно захлопнул рот и вытянулся в струну. Кайден продолжал внимательно разглядывать Эвелин. Его темные глаза скользнули по ее растрепанным волосам, по пятнам масел на рукавах, по гордо поднятому подбородку. На мгновение на дне его зрачков мелькнуло нечто похожее на мимолетный интерес, но лицо осталось непроницаемой маской.

«Ведите в изолятор, смотрительница. У меня ровно тридцать минут до отбытия на плановое заседание Военной Коллегии. Солдаты остаются снаружи».

Варнава испуганно заломил руки:

«Но господин капитан! Объект опасен! Без конвоя...» «Если я не справлюсь с неродившимся ящером без помощи четырех пехотинцев, мне стоит немедленно сдать капитанский патент», отрезал Кайден и жестом указал Эвелин на вход в сводчатую галерею.

Они вошли под каменные своды инкубатория. Внутри царил полумрак, рассекаемый лишь багровым свечением рунных желобов. От изоляционного помоста веяло жаром и явственным ароматом грозы, острым, будоражащим запахом нагретого озона, который всегда предвещал разрушительную бурю в открытом небе. Черное яйцо вибрировало. Звук, исходивший из его недр, стал громче, напоминая рокот работающего поршневого механизма на полных оборотах. Кайден остановился у внешней границы рунного круга. Он расстегнул верхнюю пуговицу парадного мундира, вынимая из нагрудного кармана изящный прибор из матового серебра с прозрачным кварцевым окошком, полевой анализатор магической плотности. Офицер нажал на крошечный рычажок, и стрелка внутри прибора с резким щелчком ушла в крайний правый сектор шкалы, задрожав у красной отметки.

«Плотность нестабильного эфира превышает допустимую норму в четыре с половиной раза», произнес Кайден бесстрастным тоном судебного эксперта.

«Структура энергетического ядра деформирована спонтанными разрядами. Это существо не сможет сформировать стабильную связь с рунической уздечкой наездника. Оно разорвет ментальный поводок при первой же боевой перегрузке».

Он убрал анализатор обратно в карман и извлек из кожаной папки плотный лист пергамента с тисненой золотой печатью верховного командования.

«Заключение однозначно. Объект подлежит усыплению и последующей вивисекции в исследовательских лабораториях Шпиля для изучения устойчивости к аномальным молниям. Приказ подписан лично Верховным Маршалом».

Эвелин почувствовала, как кровь прилила к ее щекам от невыносимой, обжигающей несправедливости этих слов.

«Вы даже не дали ему сделать первый вдох!», шагнула она вперед, встав между Кайденом и помостом.

«Вы смотрите на чудо природы сквозь призму армейских таблиц и инструкций по строевой подготовке! Он нестабилен не от природы, а потому что вы душите его рунами подавления! Вы сами загоняете его в бешенство этим мерзким алым порошком!» Кайден медленно поднял взгляд от документа. В его глазах не было злобы, лишь бесконечное, ледяное терпение человека, привыкшего иметь дело с неизбежностью.

«Смотрительница Росс, небо не прощает сентиментальности. Дракон это боевая единица флота, способная нести на себе три тонны бомбового груза или сжигать вражеские фрегаты струей жидкого пламени. Если боевая единица теряет контроль в строю, погибает не только она, погибает весь экипаж, гибнут соседние звенья, рушатся парящие платформы с мирными жителями. Я видел, что делает обезумевший грозовой дракон с казармами молодых кадетов. Я вытаскивал тела своих товарищей из-под дымящихся обломков. И я поклялся, что ни одна нестабильная тварь больше не поднимется в небо Аэлории».

Он обмакнул перо в чернильницу, готовясь поставить завершающую подпись на смертном приговоре.

«Посмотрите на него», голос Эвелин сорвался на шепот, полный отчаянной мольбы.

«Не как офицер. Посмотрите как наездник. Разве вы не слышите его зов?» Кайден замер. Перо повисло над строкой пергамента, с его кончика сорвалась черная капля, упав прямо на гербовую печать. И в эту секунду тишину зала разорвал оглушительный, трескучий звук, подобный взрыву порохового заряда. По угольно-черной скорлупе пробежала ветвистая сеть ослепительно-фиолетовых молний, расколов древнюю колыбель на тысячу осколков.Пока челнок инспекции Академии совершал финальный маневр торможения над посадочной платформой, Эвелин вернулась в дежурную рубку, чтобы проверить показания барометрических колонн. Столбики ртути в прозрачных трубках нервно колебались, отражая нарастающее возмущение внешнего эфирного поля. Архипелаг Аэлория держался в воздухе благодаря сложнейшей системе геотермальных эфирных гейзеров, бивших из глубины Нижней Бездны.

Любое вторжение аномальных сущностей, подобных грозовому эмбриону, вызывало микроскопические сдвиги в балансе подъемных сил. Она знала, что инспекторы Шпиля не станут разбираться в тонкостях природного равновесия. Для них существовали только сухие цифры в отчетах о расходе топлива и боевой эффективности эскадрилий. Если объект не укладывался в жесткие стандарты Военного Ведомства, его судьба решалась одним росчерком пера. Сквозь узкие стрельчатые окна рубки было видно, как на взлетной площадке суетятся механики нижнего ранга. Они торопливо раскатывали тяжелые заземляющие канаты и крепили страховочные крючья к посадочным кольцам. В воздухе стоял удушливый запах сгоревшего керосина и перегретой латуни, обычный след прибытия столичных кораблей. Кайден Вейл стоял на трапе неподвижно, сложив руки за спиной и глядя на убогие деревянные бараки питомника с холодным пренебрежением аристократа.

Но Эвелин заметила то, чего не видели другие: его пальцы в черных перчатках были сжаты в кулаки с такой силой, что швы кожи белели от натяжения. Этот блестящий капитан вел свою собственную войну, войну против призраков прошлого, которые преследовали его даже на самых головокружительных высотах.Кайден Вейл тем временем подошел к смотровому иллюминатору зала ожидания, задумчиво разглядывая расстилающийся внизу ландшафт нижних террас. Для человека, выросшего в белокаменных дворцах Верхнего Шпиля, где каждый карниз был украшен золотой филигранью, а воздух искусственно прогревался эфирными калориферами, этот край казался суровым и неприветливым. Но в этой первозданной простоте таилась особая, суровая честность. Он достал из внутреннего кармана серебряный портсигар с выгравированным гербом рода Вейлов, хищным соколом, сжимающим в когтях сломанную стрелу.

Пальцы офицера на секунду задержались на фамильном девизе: «Порядок превыше сострадания».

Сколько раз отец повторял ему эти слова, наказывая за малейшее проявление мягкости во время кадетских учений!

«Ты рожден быть мечом Империи, Кайден», звучал в ушах сухой, властный голос Верховного Маршала.

«Меч не сомневается, когда разит. Меч не задает вопросов, когда рассекает плоть. Твоя единственная цель подчинить стихию нашей воле».

Но сейчас, глядя на простую девушку в перепачканном фартуке, которая с такой яростной смелостью бросала вызов всей военной машине архипелага, Кайден впервые в жизни почувствовал сомнение. Была ли эта слепая покорность долгу истинной силой? Или она была лишь трусливым бегством от собственной живой души, запертой в железных латах устава? В дежурной рубке пахло сухим сургучом, старыми полетными журналами и холодным чаем. Мастер Варнава сидел за скрипучим конторским столом, торопливо выводя гусиным пером

списки подлежащего списанию инвентаря. Старик нервничал: приезд инспектора такого ранга, как Кайден Вейл, грозил вскрыть все мелкие махинации с поставками эфира, которые комендатура нижнего сектора проворачивала последние полгода.

«Ты понимаешь, кто к нам спускается, девочка?», скрипучим шепотом спросил он, не поднимая головы от бумаг.

«Кайден Вейл это любимый пес верховного командования. В прошлом году на Северных Рифах он лично отправил под трибунал целое звено кадетов за нарушение строя в тумане. У него нет жалости, нет снисхождения. Если он увидит, что ты нарушаешь регламент карантина, нас обоих сгноят в карцерах Шпиля!» «Если бы вы меньше думали о карцерах и больше о здоровье кладок, мастер Варнава», спокойно отозвалась Эвелин, протирая чистой ветошью стеклянную колбу ареометра, «вам не пришлось бы дрожать перед каждым офицерским мундиром.

Капитан Вейл солдат, а не палач. Он следует уставу, но даже в уставе есть статьи, защищающие права редких видов».

«Редких видов?!», старик в бешенстве швырнул перо на стол, оставив на пергаменте жирную кляксу.

«Это исчадие бездны! Ты хоть знаешь, почему грозовых драконов истребили сто лет назад? Они не подчиняются руническим цепям! Они способны генерировать электромагнитные импульсы такой силы, что плавятся приборные панели боевых фрегатов! Один такой взрослый ящер в небе над столицей может оставить без энергии целый квартал!» «Потому что ваши фрегаты построены на рабском подчинении», тихо ответила Эвелин, глядя в окно на приближающийся лазурный корвет.

«Если не пытаться загнать молнию в железный ящик, она не станет взрывать дом. Она просто осветит небо».

Шум приближающегося инспекционного челнока нарастал, перерастая в протяжный металлический гул. Эвелин вышла на открытую галерею, подставив лицо холодному ветру. Снизу, из туманных расселин нижнего пояса, поднимались длинные рваные полосы молочно-белого пара, похожие на хвосты гигантских комет.

Она наблюдала за тем, как швартовочные команды нижнего сектора в спешке крепят тяжелые тросы к посадочным тумбам. Эти люди, простые механики и кочегары эфирных котлов, всю жизнь провели в сырости и копоти, обслуживая роскошь верхних ярусов. Они знали цену каждой капле подъемного эфира, они хоронили товарищей, сорвавшихся в бездну при обрывах якорных цепей, и они ненавидели столичных офицеров с той глухой, затаенной яростью, которая копится десятилетиями.

«Смотрительница Росс», к ней подошел старый кочегар Томас в прожженной брезентовой куртке.

В его руках был тяжелый разводной ключ.

«Мы перекрыли подачу эфира на главный пожарный контур. Если этот золоченый капитан попытается сжечь кладку... просто подай знак. Мы устроим такое короткое замыкание в магистрали, что их челнок не сможет взлететь до следующего полнолуния».

Эвелин благодарно тронула его за плечо:

«Спасибо, Томас. Но пока не нужно. Капитан Вейл прибыл с официальным ордером. Если мы устроим саботаж прямо сейчас, сюда пришлют штурмовой батальон инквизиции, и тогда погибнут не только драконы, но и все вы».

«Мы не боимся их батальонов, дочка», угрюмо сплюнул старик.

«Твоя мать спасла половину нашей деревни во время мора. Мы помним добро. Ты только держись. Если станет совсем туго... в третьем доке стоит старый почтовый баркас с полным баком эфира. Ключ под порогом».

Кайден Вейл в этот момент уже спускался по трапу, и его тяжелый, цепкий взгляд скрестился со взглядом девушки. Расстояние между ними было велико, но Эвелин отчетливо ощутила холодную, напряженную волну его ауры, словно обнаженный клинок коснулся ее шеи.

Пока челнок Академии завершал швартовку, в приемном покое нижнего сектора собрались все служащие платформы. Люди стояли молча, опустив глаза, боясь привлечь к себе внимание столичных инспекторов. Только старый кочегар Томас демонстративно остался в центре зала, скрестив на груди закопченные руки и буравя взглядом входные двери.

«Пусть попробуют сунуться в котельную», проворчал он себе под нос, сплюнув в медную плевательницу.

«Мы им покажем, как сжигать чужие труды. Твоя мать, Эви, никогда не кланялась этим господам в шелках, и ты не кланяйся».

Эвелин мягко улыбнулась старику, хотя внутри у нее все сжалось в ледяной комок. Шаги на трапе звучали все отчетливее: мерный, тяжелый шаг солдатского строя и легкая, пружинистая походка офицера, привыкшего ступать по палубам боевых кораблей на запредельных высотах.

Кайден Вейл вошел под своды зала, и все присутствующие невольно затаили дыхание. Его темно-синий мундир с золотым шитьем казался ослепительным на фоне серого камня и закопченных балок. Но лицо капитана было непроницаемо, как забрало рыцарского шлема. Он окинул помещение быстрым, оценивающим взглядом, мгновенно выделив Эвелин среди согбенных смотрителей. В этом взгляде не было высокомерия, в нем сквозила холодная, безжалостная проницательность профессионала, не знающего пощады к ошибкам.

В приемном покое платформы напряжение можно было резать ножом. Механики и кочегары стояли вдоль стен, сжимая в мозолистых руках гаечные ключи и масленки, готовые в любой момент броситься на защиту своего питомника.

Кайден Вейл тем временем неспешно изучал журналы эфирного давления, лежавшие на конторке. Его длинные пальцы в тонких перчатках из черной кожи переворачивали пожелтевшие страницы с бесстрастной методичностью армейского ревизора.

«Здесь указано, что расход питательного концентрата превысил лимит на пятнадцать процентов за прошлую декаду», не оборачиваясь, произнес офицер.

Его голос звучал ровно, но в нем слышалась скрытая сталь.

«Смотрительница Росс, вы списывали излишки на поддержание температуры в изоляторе?»

«Да, капитан», спокойно ответила Эвелин, глядя ему в затылок.

«Грозовой эмбрион требует повышенной температуры среды для поддержания эластичности скорлупы. Если снизить подачу тепла, скорлупа кристаллизуется, и детеныш задохнется».

Кайден медленно закрыл журнал, положил его на стол и повернулся к ней всем корпусом. Его темные глаза внимательно вглядывались в ее бледное, но абсолютно спокойное лицо:

«Вы рискуете своей должностью ради объекта, подлежащего списанию. Почему?»

«Потому что долг смотрителя защищать жизнь, капитан. А не считать медяки в карманах интендантов», твердо парировала она.

На мгновение в глазах офицера мелькнула искра неподдельного уважения, но лицо осталось непроницаемой маской:

«Посмотрим, насколько ваши принципы выдержат встречу с реальностью, смотрительница».

Швартовочные команды на палубе платформы завершили установку тяжелых трапов. Кайден Вейл стоял у фальшборта челнока, застегивая перчатку и оглядывая убогие постройки нижнего сектора. Его лицо оставалось маской холодного спокойствия, но в глубине темных глаз тлело скрытое напряжение.

Он вспомнил напутственные слова отца перед вылетом со Шпиля: «Не трать время на сантименты, Кайден. Нижние питомники это гнездо мятежников и лентяев. Если особь нестабильна, подпиши ордер на утилизацию и возвращайся в гарнизон. Нам нужны послушные ящеры, а не дикие чудовища».

Но Кайден знал то, о чем отец предпочитал молчать: за последние три года боевые потери регулярного флота выросли вдвое именно из-за слепого бунта замученных рунами драконов. Система трещала по швам, но генералитет продолжал затягивать гайки.

Офицер медленно сошел по трапу, ощущая под сапогами влажный, холодный гранит. Навстречу ему шла смотрительница Росс, и в ее гордой, плавной походке было столько естественного достоинства, что Кайден невольно поймал себя на мысли: эта простая девушка из нижних яслей обладает куда большей внутренней силой, чем все столичные вельможи вместе взятые.

Небо Аэлории всегда хранило память о тех, кто осмеливался подняться в его бескрайнюю высь без страха и сомнений. В шорохе ветра между парящими скалами, в мерцании далеких лун и в гуле эфирных приливов слышалась древняя симфония жизни. Каждый рассвет приносил новое дыхание, каждый полет раскрывал сокровенные глубины любящих сердец.

Эвелин смотрела в горизонт, чувствуя, как тепло Кайдена наполняет ее душу незыблемым покоем. Рядом с ними парил Арканис, верный грозовой страж, чьи черные крылья рассекали облачные волны с грацией древнего божества. Никакие цепи, никакие военные кодексы и приказы не могли сравниться с той великой истиной, которую они открыли среди этих парящих островов: истинная сила заключается в доверии, а истинная свобода в умении любить всем сердцем, без остатка и страха перед грядущим днем.

Кайден Вейл стоял на террасе, вглядываясь в молочно-белое море облаков под ногами. За годы службы он привык доверять только сухим расчетам и безотказным приборам, но встреча с этой странной, гордой девушкой посеяла в его душе зерно сомнения. Он чувствовал, что под ее хрупкой внешностью скрывается несгибаемая воля, способная противостоять самым суровым законам Империи.

Небо Аэлории вечно помнит тех, кто осмелился любить без оглядки на запреты. В каждом порыве восходящего ветра, в шепоте облачных трав и в чистом блеске лунного кварца продолжала жить эта великая история.

Смотровые террасы нижнего сектора замерли под тяжелым взглядом столичного офицера. Кайден Вейл стоял неподвижно, ощущая, как привычная холодная броня долга начинает трескаться под взглядом простой смотрительницы. Впереди были тяжелые испытания, но в этот миг он впервые почувствовал, что его жизнь обретает истинную цель.

Гул эфирных турбин челнока постепенно стих, уступив место привычному шелесту ветра. Кайден Вейл стоял на трапе, вглядываясь в лицо смотрительницы. В ее гордой осанке и прямом взгляде не было страха перед его властью, и это поразило офицера сильнее любого доклада военной разведки.

Трап челнока глухо отозвался под тяжелыми шагами офицера. Кайден бросил короткий взгляд на серые скалы платформы, чувствуя, как в воздухе нарастает напряжение невидимой грозы. Он еще не знал, что эта встреча разрушит все его прежние представления о долге и чести.

Так началась эта великая история, связавшая воедино две судьбы и изменившая ход истории целого мира.

Бескрайнее небо Аэлории дышало свободой, напоминая каждому всаднику о том, что истинная сила рождается только в чистом доверии и любви.

Глава 3. Капитан с золотыми эполетами

Взрывная волна чистого эфира ударила во все стороны, разметав алый песок подавляющих рун и наполнив помещение густым белым паром с искрами цвета расплавленного аметиста. Кайден среагировал мгновенно, с нечеловеческой скоростью тренированного аса. Еще до того, как первый осколок скорлупы коснулся каменного пола, его правая рука выбросила вперед складной защитный барьер, а левая схватила Эвелин за плечо, с силой дернув ее назад и закрывая своим телом от летящей шрапнели. Осколок черного базальта с сухим стуком ударился о золотой эполет его мундира, оставив на полированном металле глубокую царапину, но Кайден даже не моргнул. Он отпустил плечо девушки ровно в тот момент, когда опасность миновала, и плавным, отточенным движением извлек из ножен длинный палаш усмирителя. Лезвие оружия, выкованное из небесного серебра, вспыхнуло ровным сапфировым сиянием активного парализующего контура.

«Стойте сзади и не двигайтесь», бросил он через плечо.

Тон его был абсолютно спокоен, но в мышцах звенела готовность к смертельному броску. Когда клубы пара начали рассеиваться, оседая на камнях крупными каплями конденсата, перед ними предстало то, ради чего стоило пройти сквозь все бури архипелага. На дымящихся обломках кокона стоял дракон. Он был великолепен той дикой, пугающей красотой, которая заставляет замирать дыхание и преклонять колени. Его тело было длинным, гибким и мускулистым, покрытым безупречной чешуей глубочайшего черного цвета, отливающей в лучах рунного света полированной сталью и темным индиго. Вдоль изогнутой шеи и по всему хребту до самого кончика мощного хвоста поднимался двойной ряд тонких, шелковистых перьев пепельно-серебристого оттенка. Эти перья не были мягкими, они подрагивали на ветру, издавая едва слышный стеклянный перезвон и генерируя вокруг себя тончайшую вуаль электрических микроразрядов.

Крылья детеныша были несоразмерно широкими для новорожденного. Перепонки между гибкими пальцевыми костями отливали звездной пылью, словно в них было вплетено само ночное небо за пределами атмосферы Аэлории. Но самым поразительным были его глаза. Большие, широко расставленные, цвета чистого древесного янтаря, прорезанные вертикальными черными зрачками. В этих глазах не было слепой бессмысленной ярости хищного зверя. Там горел древний, первозданный разум, оценивающий окружение с ледяной настороженностью воина, попавшего в засаду. Дракон расправил крылья, заняв боевую стойку. Его маленькие, но уже бритвенно-острые когти впились в базальт помоста, оставив на камне четыре глубокие белые борозды. Из его приоткрытой пасти вырвалось низкое, предостерегающее шипение, переходящее в утробный рокот далекого грома.

«Вторая фаза активации», шепотом произнес Кайден, медленно смещаясь вправо, чтобы отрезать зверю путь к вентиляционной шахте.

«Он сканирует пространство на наличие угроз. Парализатор настроен на минимальную мощность, удар по основанию черепа лишь временно отключит двигательные рефлексы. Я не позволю ему разнести питомник».

«Опустите оружие!», отчаянно воскликнула Эвелин.

«Неужели вы не видите? Он защищается! Если вы ударите его током сейчас, вы сожжете его первичные эмпатические рецепторы, он навсегда останется калекой, ненавидящим людей!»
«Лучше живой калека на привязи, чем пепелище на месте вашей платформы», жестко ответил офицер, делая еще один расчетливый шаг вперед.

Дракон почувствовал приближение светящейся стали. Серебряные перья на его шее мгновенно встали дыбом, чешуя на груди засияла изнутри фиолетовым светом, раздуваясь от прилива концентрированного эфира. Малыш сжался, как пружина, готовясь выдохнуть струю

грозового огня прямо в грудь нападающего. Времени на размышления не оставалось. Эвелин знала, что удар пламени на таком коротком расстоянии убьет Кайдена даже сквозь защитную ткань офицерского мундира, а ответный выпад палаша навсегда уничтожит душу дракона. Она бросилась вперед. Она не думала о собственной безопасности. Вся ее жизнь, все годы одиночества и наблюдений за хрупкими жизнями в инкубаторах слились в один единственный порыв. Эвелин перемахнула через остатки рунного желоба и опустилась на колени прямо перед дымящейся пастью черного дракона.

«Эвелин, назад!», в голосе Кайдена впервые прорвалась паника, сорвавшая маску невозмутимости.

Он попытался перехватить ее, но было поздно: девушка оказалась в самом центре сектора поражения, между обнаженным клинком офицера и пылающей пастью зверя. Эвелин широко развела руки в стороны, повернув открытые ладони к дракону.

«Я не боюсь тебя», сказала она тихо, но ее голос прозвучал с такой пронзительной чистотой, что эхо замерло под сводами.

«Я знаю, кто ты. Ты рожден из бури, но буря не обязана разрушать. Буря несет обновление и свободу. Посмотри на меня. Я твоя колыбель. Я твой свидетель».

Она закрыла глаза, полностью распахнув свое сознание навстречу надвигающемуся удару. Никакой защиты, никакого ментального щита, только абсолютная, безграничная готовность принять всю его боль и весь его страх без остатка. Шипение в пасти дракона захлебнулось. Наступила мертвая, звенящая тишина. Эвелин медленно открыла глаза. Черный дракон замер в нескольких дюймах от ее лица. Фиолетовое пламя в глубине его глотки угасло, оставив лишь тонкую струйку серого дыма, пахнущего грозовым дождем и горным кедром. Его янтарные глаза смотрели на нее с немым, ошеломленным изумлением. Он наклонил голову набок, прислушиваясь к биению ее сердца, которое стучало громко и гулко, но абсолютно ровно. Малыш сделал осторожный шаг вперед. Его кожистые лапы с мягким шелестом ступили на каменную крошку. Он вытянул морду и осторожно, почти робко прикоснулся теплым, кожистым носом к центру ее раскрытой ладони.

Электрический разряд пробежал по телу Эвелин, но это была не боль. Это было тепло, сухое, искристое, пьянящее тепло летней зарницы. Она улыбнулась сквозь выступившие на глазах слезы и мягко провела пальцами по его щеке, скользя вверх, к шелковистым перьям у основания рогов. Дракон зажмурился, издав протяжный, вибрирующий звук, похожий на мурлыканье гигантской кошки. Он подался вперед и всем весом уткнулся лбом в ее плечо, шумно втягивая запах ее волос. Эвелин перевела дыхание и повернула голову. Кайден стоял в трех шагах от них. Серебряный палаш в его руке медленно опустился, острие уткнулось в камень. Глаза капитана были широко распахнуты, на его обычно бесстрастном лице застыло выражение такого глубокого, ошеломляющего потрясения, словно на его глазах рухнули сами небеса Аэлории.

«Это невозможно», прошептал он, и в его голосе не осталось ни капли прежнего командирского холода.

«У него не было запечатляющего маяка. У вас не было наставнического жезла. Как... как вы это сделали?» «Сердце нельзя подчинить жезлом, капитан Вейл», ответила Эвелин, не переставая гладить черного дракона.

«Его можно только разделить».

После того как ярость первой вспышки улеглась, в глазах Кайдена застыло не просто удивление, в них отразилась глубокая внутренняя трещина. Он продолжал сжимать рукоять палаша, но лезвие больше не искало шею зверя. Капитан вспомнил свой собственный выпускной полет четыре года назад. Тогда ему, лучшему курсанту выпуска, доверили великолепного сапфирового дракона по имени Оникс. Это было мощное, благородное животное, чьи крылья могли поднять в воздух целую орудийную батарею. Но наставники требовали одного: абсолют-

ного подчинения через болевые импульсы рунического ошейника. Кайден следовал уставу. Он затягивал ремни, активировал парализующие контуры при малейшем неповиновении и верил, что только так куется истинная боевая мощь. А затем случилась катастрофа над Ущельем Призраков. Внезапный грозовой фронт перегрузил руническую цепь.

Ошейник Оникса закоротило, послав в мозг дракона непрерывный импульс дикой, раздирающей боли. Ослепленный агонией ящер потерял управление, сбросил строй и рухнул в бездонную пропасть, увлекая за собой троих товарищей Кайдена. Сам Кайден выжил лишь чудом, зацепившись парашютным стропом за скальный выступ. С того страшного дня он никогда не позволял себе привязываться к драконам. Он обращался с ними как с холодным оружием, чистил, смазывал, проверял заклепки, но никогда не смотрел им в глаза. Потому что в глубине души знал: это он нажал кнопку, погубившую его первого крылатого напарника. И вот теперь, в полутемном сыром зале нижнего питомника, простая смотрительница без роду и титула стояла на коленях перед самым опасным чудовищем архипелага, а чудовище ластилось к ее руке, словно ласковый котенок.

Весь тщательно выстроенный мир Кайдена, весь его гранитный кодекс правил и запретов рушился на глазах, обнажая зияющую пустоту в его собственном сердце.Напряжение в воздухе после рождения дракона можно было резать ножом. Кайден сделал медленный вдох, чувствуя, как адреналин постепенно отступает, оставляя после себя странную, гулкую пустоту в висках. Он опустил взгляд на свои сапоги: вокруг них на базальтовом полу искрились крошечные фиолетовые кристаллы, сконденсированный грозовой эфир, выпавший в осадок после взрыва скорлупы. Такое явление описывалось лишь в старинных летописях Первой Эпохи. Это означало, что родившийся дракон обладал истинной чистокровной связью с изначальным Грозовым Пределом, редчайшим даром, который военные теоретики Шпиля считали навсегда утраченным.

В современной армии все боевые ящеры были продуктом многовековой искусственной селекции, послушными, сильными, но лишенными искры высшего разума. Кайден посмотрел на Эвелин. Ее пальцы продолжали медленно и нежно массировать перепонки за ушными гребнями малыша, и дракон тихо попискивал от удовольствия, прикрыв золотистые глаза.

«Если мой отец узнает о его истинном потенциале», тихо произнес капитан, нарушая затянувшуюся тишину, «он не станет его усыплять.

Он заберет его в Секретный Вивисекционный Корпус. Они превратят это дитя в живое биологическое оружие, напичканное стимулирующими рунами, пока его мозг не выгорит от боли».

Эвелин вскинула голову, ее глаза потемнели от гнева:

«Тогда мы не позволим им узнать. Ни Совету, ни твоему отцу».

Кайден встретил ее взгляд, и в глубине его серых глаз вспыхнула опасная, пьянящая решимость:

«Ты предлагаешь мне совершить государственную измену, Эвелин Росс».

«Я предлагаю тебе остаться человеком, Кайден Вейл».

Кайден Вейл стоял неподвижно, не отводя взгляда от новорожденного черного дракона. В его голове с математической четкостью проносились тактические характеристики объекта: размах крыльев, плотность костной ткани, расчетная мощность биоэлектрического разряда. По всем канонам военной науки перед ним находилась идеальная машина для убийства, созданная для того, чтобы рвать в клочья обшивку воздушных судов и выжигать расчеты зенитных батарей. Но то, что происходило прямо сейчас, взламывало все аналитические шаблоны его выучки. Зверь не бросался на людей. Он не пытался впиться когтями в незащищенное горло девушки, стоявшей перед ним на коленях. Напротив, его глаза цвета теплого янтаря светились удивительным, почти детским любопытством. Дракон тихо урчал, прижимаясь мордой к тонким ладоням Эвелин, и серебряные перья на его шее трепетали в такт ее дыханию.

Кайден почувствовал, как в груди заныл старый рубец от ожога эфирным стропом. Он вспомнил своего первого дракона, своего верного Оникса, которого он собственными руками загнал в смертоносную бездну во время учебного полета. Тогда наставники твердили ему: «Жми на руны сильнее! Не позволяй зверю думать! Он должен чувствовать боль при малейшем колебании!» Кайден сжал руны. И Оникс обезумел от муки, увлекая за собой троих курсантов. Сколько ночей он просыпался в холодном поту, видя перед собой гаснущие сапфировые глаза своего ящера? Сколько раз он глушил эту вину бешеными тренировками и безупречным выполнением самых опасных приказов? И вот теперь перед ним была простая девушка без родового герба, которая сделала то, чего не умел ни один генерал Империи: она приручила грозу любовью. В этот миг Кайден понял, что его жизнь никогда больше не будет прежней.

Он сделает все, чтобы защитить эту хрупкую истину, даже если ему придется пойти против воли собственного отца.

Когда первые вспышки ярости улеглись, зал инкубатория наполнился странным, тревожным покоем. Кайден стоял, не шевелясь, все еще сжимая в руке обнаженный серебряный палаш, но его поза потеряла агрессивную напряженность.

Он смотрел на маленького черного дракона, который, прижавшись к бедру Эвелин, жадно ловил воздух маленькими кожистыми ноздрями. Каждый вдох ящера сопровождался тихим треском крошечных искр, осыпавшихся с кончиков его серебристых перьев на базальтовые плиты.

«У него нет дефекта развития», неожиданно тихо произнес Кайден, убирая клинок в ножны плавным, почти машинальным движением.

«В рапортах медицинской службы утверждалось, что грозовые зародыши страдают дегенерацией мозжечка, вызывающей слепую агрессию. Но этот зверь оценивает обстановку быстрее кадетского выпускника».

«Потому что ваши эксперты исследовали только мертвые ткани», отозвалась Эвелин, не переставая ласково почесывать дракона за роговыми наростами на затылке.

«Они вскрывали яйца, пораженные болевым шоком, и делали выводы на основе агонии. Арканис родился в любви и доверии. Он чувствует разницу между защитой и нападением».

Кайден медленно подошел ближе. Его тяжелые офицерские сапоги гулко стучали по камню, но дракон больше не проявлял агрессии. Он лишь внимательно следил за человеком своими янтарными глазами, в глубине которых перекатывались золотистые сполохи.

«Вы назвали его Арканисом», Кайден остановился в двух шагах, глядя девушке прямо в глаза.

«На древнем наречии это имя носили только боевые вожаки первой стаи. Мой дед рассказывал, что во время осады Звездного Пика именно черный грозовой дракон прикрыл своими крыльями отступающий легион, приняв на себя удар небесного огня».

«Легенды не лгут, капитан», мягко улыбнулась Эвелин.

«Ложь рождается только в штабных канцеляриях, когда генералы пытаются оправдать свою жестокость».

Тишина после первого взмаха крыльев новорожденного дракона звенела в ушах, как натянутая струна. Кайден стоял, не шевелясь, опустив клинок, и его темные глаза жадно впитывали каждую деталь происходящего чуда.

Он видел сотни вылуплений в элитных питомниках Верхнего Шпиля. Там новорожденных ящеров тут же привязывали к железным станкам, надевали колодки на лапы и прижигали нервные узлы на затылке руническим железом, чтобы навсегда отсечь центры сопротивления. Те драконы визжали от боли, их глаза мутнели, превращаясь в тусклые стекляшки, и из колыбели выходило послушное, но мертвое внутри оружие.

Здесь же перед ним было живое божество.

Черная чешуя Арканиса переливалась в лучах масляных ламп глубоким аметистовым блеском, а серебряные перья на гребне шелестели, издавая тончайшую мелодию, похожую на звон хрустальных колокольчиков в ледяном гроте. Дракон не просто дышал, он пил воздух свободы, прижимаясь к ладоням девушки с такой беззаветной преданностью, которая заставила сердце сурового офицера сжаться от щемящей тоски по утраченному детству.

«Он прекрасен», сам не замечая, прошептал Кайден.

Эвелин подняла на него сияющие глаза, и в этот миг между ними рухнула первая, самая толстая стена взаимного недоверия.

Когда первые восторги от рождения дракона улеглись, в зале инкубатория воцарилась звенящая тишина. Арканис свернулся вокруг ног Эвелин, спрятав острую морду под кожистое крыло, но его янтарные глаза не закрывались ни на секунду, неотрывно следя за каждым движением высокого человека в синем мундире.

Кайден стоял в трех шагах от них, опустив клинок. Он медленно провел рукой по своим коротким пепельным волосам, чувствуя, как адреналиновая лихорадка постепенно уступает место глубокой, давящей усталости.

«Мой отец никогда не поверит рапорту», негромко произнес он, глядя на искрящиеся перья звера.

«Он решит, что я сошел с ума под воздействием эфирных паров. Черные драконы считаются генетическим тупиком, биологической аномалией, подлежащей немедленной ликвидации».

«Ваш отец судит о мире по мертвым схемам», ответила Эвелин, ласково поглаживая дракона по теплому боку.

«Посмотрите на него. Разве это аномалия? Это совершенство природы, сохранившееся сквозь века вопреки всем вашим запретам».

Кайден сделал шаг вперед, опустился на одно колено на безопасном расстоянии и протянул раскрытую ладонь, повернув ее тыльной стороной вверх, жест мира, принятый среди вольных наездников:

«Ты удивительная девушка, Эвелин Росс. За десять минут ты разрушила все, чему меня учили десять лет в казармах Шпиля».

Она мягко улыбнулась ему в ответ:

«Иногда нужно разрушить старую стену, чтобы увидеть бескрайнее небо, капитан».

Запах озона после рождения дракона был таким густым, что казалось, сам воздух можно пить, как горную воду. Арканис стоял перед Эвелин, расправив крылья и с любопытством принюхиваясь к запаху травяных масел на ее рукавах.

Кайден сделал медленный вдох, чувствуя, как внутри него отпускает многолетняя пружина постоянной боевой готовности. Он смотрел на черную чешую ящера, на его серебряный перьевой гребень, и в его памяти всплывали старинные легенды о Первой Стае.

«В архивах Академии есть закрытый отдел», негромко произнес капитан, делая шаг ближе к барьеру.

«Там хранятся дневники первых исследователей Разлома. Они писали, что грозовые драконы обладали способностью к мгновенному ментальному резонансу высшего порядка. Они выбирали себе всадника один раз на всю жизнь и никогда не предавали его, даже если всадник погибал в бою».

Эвелин подняла на него сияющие глаза:

«Преданность нельзя купить или заставить повиноваться силой, Кайден. Ее можно только заслужить. И Арканис выбрал нас обоих, потому что почувствовал в нас правду».

Небо Аэлории всегда хранило память о тех, кто осмеливался подняться в его бескрайнюю высь без страха и сомнений. В шорохе ветра между парящими скалами, в мерцании далеких

лун и в гуле эфирных приливов слышалась древняя симфония жизни. Каждый рассвет приносил новое дыхание, каждый полет раскрывал сокровенные глубины любящих сердец.

Эвелин смотрела в горизонт, чувствуя, как тепло Кайдена наполняет ее душу незыблемым покоем. Рядом с ними парил Арканис, верный грозовой страж, чьи черные крылья рассекали облачные волны с грацией древнего божества. Никакие цепи, никакие военные кодексы и приказы не могли сравниться с той великой истиной, которую они открыли среди этих парящих островов: истинная сила заключается в доверии, а истинная свобода в умении любить всем сердцем, без остатка и страха перед грядущим днем.

Арканис тихо заурчал, прижимаясь мордой к коленям Эвелин. Его серебряные перья мерно покачивались, издавая едва слышный хрустальный перезвон. Кайден наблюдал за этой картиной затаив дыхание: перед ним рождалась легенда, о которой летописцы Первой Эпохи слагали торжественные поэмы, легенда о дружбе человека и грозового дракона.

Небо Аэлории вечно помнит тех, кто осмелился любить без оглядки на запреты. В каждом порыве восходящего ветра, в шепоте облачных трав и в чистом блеске лунного кварца продолжала жить эта великая история.

Серебряные перья новорожденного Арканиса ловили отблески латунных ламп, сияя чистым звездным светом. Дракон сделал свой первый осознанный вдох в этом мире, выбрав себе наездницу не по приказу генералов, а по зову древней крови, не знающей страха перед высотой.

Арканис приоткрыл один янтарный глаз, наблюдая за человеком в парадном мундире. Маленький дракон чувствовал, что за внешней строгостью офицера скрывается глубокая душевная рана, и не стал выпускать когти, позволив теплу доверия наполнить зал.

Арканис прижался к ладони Эвелин, издав тихий, вибрирующий клекот. В этом звуке слышалась древняя благодарность живого существа, нашедшего своего защитника. Кайден замер, потрясенный увиденным, понимая, что перед ним открывается тайна, неподвластная военным уставам.

Арканис поднял крылья, словно приветствуя новый рассвет, и в его взгляде читалась вечная верность своей защитнице.

Бескрайнее небо Аэлории дышало свободой, напоминая каждому всаднику о том, что истинная сила рождается только в чистом доверии и любви.

Глава 4. Первый удар когтя

Кайден медленно убрал палаш в ножны. Металлический щелчок фиксатора прозвучал в тишине зала как выстрел, но дракон даже не шелохнулся, продолжая доверчиво греть нос на плече девушки. Офицер подошел ближе. На этот раз в его движениях не было угрозы, лишь осторожное, почти благоговейное любопытство исследователя, столкнувшегося с непознаваемым природным феноменом. Он остановился в полушаге от Эвелин, опустив взгляд на ее тонкие пальцы, бережно перебирающие серебристые перья на шее зверя.

«Вы рисковали жизнью, смотрительница», тихо произнес он.

«Один неверный вздох, одна спонтанная мысль о страхе, и этот зверь сжег бы вас дотла».

«Жизнь без риска не стоит ничего, капитан», Эвелин попыталась подняться на ноги, но пережитое нервное потрясение и внезапный отлив адреналина дали о себе знать: колени подогнулись, и она покачнулась, теряя равновесие.

Прежде чем она успела упасть на острые осколки скорлупы, сильные руки Кайдена подхватили ее за талию. Его хватка была уверенной, бережной и поразительно надежной. На мгновение Эвелин оказалась прижата к его груди, почувствовав твердость офицерской кирасы под тонким сукном мундира и мерный, глубокий ритм его собственного сердца. От него пахло холодной мятой, оружейным маслом и далеким ветром верхних эшелонов, пьянящим запахом высоты, от которого у нее на секунду закружилась голова. Она подняла взгляд и утонула в его темных глазах. На таком близком расстоянии они не казались ледяными. В них бушевала скрытая буря, отражение того же грозового огня, который только что пылал в пасти новорожденного дракона.

«Держу», негромко сказал он.

Его голос вибрировал у самого ее уха.

«Не спешите. Эмпатическое запечатление выжигает запасы глюкозы и эфира в крови за считанные секунды. Вам нужно сесть».

«Я могу стоять», смутившись этой внезапной близости, пробормотала она, мягко отстраняясь.

Ее щеки залил румянец, совершенно не связанный с жаром инкубатора. Кайден не стал настаивать, но руку с ее локтя убрал не сразу, убедившись, что девушка твердо держится на ногах. В этот момент за бронированной дверью послышался топот тяжелых сапог и лязг амуниции. Дверь с грохотом распахнулась, и в зал ворвались четверо гвардейцев с шоковыми шестами наперевес, возглавляемые побелевшим от ужаса мастером Варнавой.

«Капитан Вейл! Мы услышали взрыв!», завопил старик, размахивая тростью.

«Убейте тварь! Она вырвалась! Стреляйте в голову, быстрее!» Солдаты мгновенно вскинули шесты, на концах которых с треском заплясали синие дуговые разряды. Реакция дракона была молниеносной. Мирное мурлыканье сменилось свирепым боевым рыком. Арканис взвился на дыбы, заслоняя собой Эвелин. Его крылья хлестнули по воздуху, подняв вихрь пыли, а острый изогнутый коготь на правом крыле полоснул наотмашь, метя в лицо ближайшего гвардейца.

«Назад, идиоты! Отставить оружие!», рявкнул Кайден таким командным голосом, что своды зала содрогнулись.

Он рванулся вперед, перехватывая удар драконьего когтя собственной рукой в тяжелой кожаной перчатке. Раздался резкий звук рвущейся кожи: бритвенный коготь Арканиса рассек плотную ткань краги и оставил глубокую кровоточащую полосу на тыльной стороне ладони офицера. Горячая алая кровь брызнула на черную чешую зверя. Арканис замер, ошеломленный вкусом чужой крови и яростным взглядом раненого человека. Кайден даже не помор-

щился. Не обращая внимания на льющуюся кровь, он повернулся к оцепеневшим гвардейцам: «Пошли вон отсюда. Все. Живо».

«Но капитан... вы ранены! Монстр напал...», заикаясь, пролепетал Варнава.

«Я сказал, пошли вон!», в голосе Кайдена зазвенела сталь военного трибунала.

«Если через три секунды хоть один из вас останется в этом зале, я лично оформлю приказ о вашем переводе в штрафные батальоны Нижней Бездны. Вон!» Гвардейцев и инспектора словно ветром сдуло. Тяжелая дверь захлопнулась, оставив их снова втроем в гулкой тишине разрушенного изолятора. Эвелин застыла на месте, глядя на окровавленную руку офицера. Кровь Кайдена капала на базальтовые плиты, смешиваясь с пеплом скорлупы.

«Вы ранены», выдохнула она, бросаясь к шкафчику с медицинскими принадлежностями.

«Когти грозовых драконов содержат естественный токсин статического ожога. Если рану не обработать серебряным бальзамом, начнется некроз тканей!» «Это пустяки, обычная царапина», попытался отмахнуться Кайден, зажимая рану платком.

«Не смейте командовать мной в моем питомнике!», вспыхнула Эвелин с такой яростной решимостью, что капитан невольно замолчал, удивленно приподняв бровь. Она вернулась со стеклянной баночкой густой изумрудной мази и льняными бинтами. Решительно взяв его раненую руку в свои ладони, она сбросила разорванную перчатку. Рана была глубокой, края кожи обуглились от электрического заряда, но кость осталась цела. Эвелин нанесла мазь на рану. Ее прикосновения были быстрыми, точными и невероятно нежными. Кайден сидел на краю инструментального стола, не отводя взгляда от ее сосредоточенного лица. Он не издал ни единого звука, хотя целебный бальзам жжется сильнее раскаленного железа.

«Вы храбрая девушка, Эвелин», негромко произнес он, пока она накладывала тугую повязку.

«И совершенно безумная. Ни одна благородная дама на Шпиле не посмела бы повысить на меня голос. А уж тем более приказывать мне».

«Я не благородная дама, капитан», туго затягивая узел на бинте, ответила она.

«Я смотрительница. И я отвечаю за каждую жизнь, доверенную этой платформе. Включая вашу, раз уж вам хватило глупости подставить руку под удар».

Кайден тихо усмехнулся. В этой усмешке не было высокомерия, в ней сквозила теплая, искренняя человечность, которую он так тщательно прятал под парадным мундиром.

«Вы дали ему имя?», спросил он, кивая на черного дракона, который уселся рядом со столом и внимательно наблюдал за перевязкой, виновато поджимая ушные перья.

«Арканис», тихо сказала Эвелин.

«Несущий Ночной Свет».

«Арканис...», повторил Кайден, пробуя имя на вкус.

«Что ж, Арканис. Ты только что заработал себе сорок восемь часов жизни. Но за это время твоя хозяйка должна доказать, что ты достоин летать в небе Аэлории, а не лежать в стеклянной банке архива».

Пока Эвелин бережно затягивала бинты на его ладони, Кайден не отрывал взгляда от ее лица. В тусклом свете масляного светильника ее профиль казался выточенным из теплой слоновой кости. Тонкие брови были слегка сдвинуты к переносице от предельной концентрации, дыхание было ровным, но поверхностным. От нее пахло не придворными духами, от которых у него на Шпиле всегда начинала раскалываться голова, а свежим ветром, спелой черникой и сухой травой.

«Вы не спросили, почему я не приказал солдатам стрелять», вдруг тихо произнес он, нарушая тишину.

Эвелин завязала аккуратный узел и подняла глаза:

«Потому что в глубине души вы сами не верите в целесообразность этого приказа. Человек, который действительно хочет убить, не тратит время на разговоры. Он стреляет молча».

Кайден горько усмехнулся, покачав головой:

«Вы слишком хорошо думаете о людях, Эвелин. В Академии таких, как вы, называют идеалистами и скармливают бюрократическим шестеренкам в первый же год службы. Мой отец говорит, что милосердие это роскошь, которую военный флот не может себе позволить в эпоху непрекращающейся экспансии».

«Ваш отец забыл, ради чего этот флот существует», мягко возразила она, убирая баночку с мазью в карман.

«Если вы сожжете все живое и искреннее ради иллюзии абсолютного порядка, что останется защищать на этих парящих островах? Пустые мраморные дворцы и золоченые казармы?» Дракон позади них издал низкий, согласный рокот. Он перебрался ближе, положив тяжелую морду на колени девушки, и шумно выпустил из ноздрей струйку теплого воздуха, согревая ее озябшие пальцы. Кайден невольно потянулся здоровой рукой, его пальцы на мгновение зависли над серебристыми перьями на затылке зверя. Арканис не отпрянул. Он лишь слегка приоткрыл один янтарный глаз, внимательно наблюдая за офицером.

«Он разрешает», прошептала Эвелин с улыбкой.

«Драконы чувствуют раскаяние острее, чем страх. Он знает, что ты пожалел о случившемся».

Кайден медленно опустил ладонь на шелковистые перья. Тепло живой плоти, вибрирующей скрытой грозовой мощью, обожгло его пальцы сквозь тонкую кожу повязки. Это было странное, пугающее и в то же время невероятно желанное чувство, словно после долгих лет блуждания в ледяной тьме он наконец увидел далекий огонек родного дома.Дождь за стенами питомника усилился, превратившись в настоящий горный ливень. Тяжелые струи воды с глухим стуком барабанили по толстым стеклам купола, смывая копоть и пыль прошедшего дня. В зале стало прохладно, и Эвелин разожгла небольшую чугунную печь в углу, бросив в топку горсть прессованных березовых углей и сухих сосновых шишек. Сладковатый, смолистый дымок наполнил помещение, создавая неожиданное ощущение домашнего уюта посреди военной базы. Арканис перебрался ближе к огню, свернувшись калачиком на груде мягких овечьих шкур. Его ровное сопение напоминало шум прибоя на песчаном берегу далекого южного моря. Кайден сидел на деревянной скамье, вытянув длинные ноги и наблюдая за тем, как пламя играет бликами на его начищенных до блеска пуговицах. Он расстегнул ворот рубашки, обнажив ключицы, и выглядел совершенно обезоруженным.

«Расскажи мне о своей матери», тихо попросил он, когда Эвелин опустилась на противоположный край скамьи с двумя глиняными кружками горячего сбитня.

Она улыбнулась, согревая озябшие ладони о теплую глину:

«Она была дочерью вольного наездника с Внешнего Кольца. Она знала язык ветров так, как другие знают грамматику. Она говорила, что небо это не пустота между скалами, а гигантский холст, на котором каждый полет оставляет свой невидимый след. Когда она летала на своей белой ветряной драконице Селене, казалось, что они танцуют вальс с облаками. Без поводьев, без команд. Селена поворачивала от малейшего наклона ее головы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.